
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

УДК 82-92

DOI: 10.31249/lit/2025.01.01

АРЕФЬЕВ Д.А.¹ «VEDI IL MIO DISCORSO SUI ROMANTICI»: КЛАССИЦИЗМ И РОМАНТИЗМ В СОЗНАНИИ ДЖ. ЛЕОПАРДИ И РАННЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕОРИЯ В ЕГО «ДНЕВНИКЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ»[©]

Аннотация. В начале XIX в. главнейшими направлениями в литературном процессе Италии оказались еще не сдавший свои позиции классицизм и набиравший обороты романтизм. Между ними сложилась довольно острая ситуация, в которой произошло разделение литераторов на два лагеря. В 1818 г. будущий классик итальянской литературы Дж. Leopardi решает вступить в полемику с современниками и пытается опубликовать свое «Рассуждение итальянца о романтической поэзии», написать которое его побудили уже начинавшие складываться в литературную теорию, разрабатываемую в «Дневнике размышлений», мысли. В статье раскрываются некоторые моменты его ранней литературной теории, предлагаемой в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии» в качестве универсального творческого метода и способа преодоления противоречий между двумя литературными направлениями в Италии первой трети XIX в. и развиваемой в дальнейшем в

¹ **Арефьев Дмитрий Андреевич** – младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ведущий библиотекарь Центра междисциплинарных исследований Библиотеки иностранной литературы; ORCID: 0000-0002-1346-2939; dima-aref@mail.ru

[©] Арефьев Д.А., 2025

«Дневнике размышлений», и отношение Дж. Леопарди к классицизму и романтизму.

Ключевые слова: Дж. Леопарди; романтизм; классицизм; итальянская литература; «Дневник размышлений»; литературная теория.

Для цитирования: Арефьев Д.А. «Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 1. – С. 9–27. – DOI: 10.31249/lit/2025.01.01

Получена: 30.08.2024

Принята к печати: 30.11.2024

AREFEV D.A.¹ “Vedi il mio discorso sui romantici”: classicism and Romanticism in G. Leopardi’s conscience and early literary theory in his *Zibaldone*©

Abstract. Classicism and Romanticism were two main trends in the literary process of Italy at the beginning of the nineteenth century. The situation between them was quite acute as writers were divided into two camps. In 1818, the future classic of Italian literature G. Leopardi decided to enter into a polemic with his contemporaries and tried to publish his *Discourse of an Italian on Romantic Poetry* which he was prompted to write by his thoughts that had already begun to take shape in the literary theory developed in the *Zibaldone*. The article reveals some points of his early literary theory proposed in the *Discourse of an Italian on Romantic Poetry* as a universal creative method and a way to overcome the contradictions between the two literary trends in Italy in the first third of the nineteenth century and further developed in the *Zibaldone*, and the attitude of G. Leopardi to classicism and Romanticism.

Keywords: G. Leopardi; Romanticism; classicism; Italian literature; *Zibaldone*; literary theory.

To cite this article: Arefev, Dmitry A. ““Vedi il mio discorso sui romantici”: Classicism and Romanticism in G. Leopardi’s conscience and early literary theory in his *Zibaldone*”, Social sciences and humanities. Domestic

¹ **Arefev Dmitry Andreevich** – Junior Researcher of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Leading Librarian of the M.I. Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature; ORCID: 0000-0002-1346-2939; dima-aref@mail.ru

© Arefev D.A., 2025

С 1817 по 1832 г. Дж. Леопарди (1798–1837) вел «Дневник размышлений» (*Zibaldone di pensieri*), в котором излагал, помимо философских, этических, религиозных, социально-политических и иных идей, свои взгляды на литературу и искусство вообще, а также в большом количестве делал выписки из различных доступных ему источников о происхождении языков и отдельных слов. На многих страницах его «Дневника размышлений» можно найти разборы классиков античной (Гомер, Вергилий, Гораций, Овидий), средневековой (Данте, Петрарка), ренессансной (Ариосто, Тассо), барочной (Марино), классицистической (Альфьери) литературы; конечно, Дж. Леопарди не обходит стороной и романтическую поэзию (Байрон, Оссиан).

Надо сказать, что сама структура «Дневника размышлений» неоднородна. Первые записи относятся к 1817–1819 гг. (около ста), большая же часть приходится на 1820–1823 гг. (около четырех тысяч), что вполне совпадает с периодом интенсивного творческого роста Дж. Леопарди, когда он написал первые признанные публикой стихотворения и сформулировал собственную литературную идеологию. На примерно равные доли делятся периоды записей с 1824 по 1827 г. и с 1828 по 1832 г. (всего чуть больше пятисот листов за восемь лет), причем к 1830–1832 гг. ничего существенного в его записях не прибавляется. Фактически к 1829 г. Дж. Леопарди смог определить для себя и выяснить всё, что хотел¹.

¹ После относительно продолжительной «творческой бездеятельности» (примерно с 1826 по 1828 г.; публикация многих стихотворений происходит в 1824–1826 гг.) Дж. Леопарди снова примется за поэтическое искусство. В 1827 г. одновременно с публикацией «Обрученных» А. Мандзони выходят его «Нравственные очерки». В свою очередь, 1828–1829 гг. представляют собой период сочинения стихотворений, когда он жил между Пизой и родным Реканати (*canti pisano-recanatesi*). См. об этих годах подробнее в: [Dolfi, 2002]. С конца 1820-х до середины 1830-х годов Дж. Леопарди будет работать над своими текстами, правя их вплоть до самого последнего сборника под названием «Песни» (*Caniti*). Ф. Камиллетти в качестве примера изменения воззрений Дж. Леопарди на собственное творчество приводит стихотворение «Вечер праздничного дня» (*La sera del dì di festa*) [Camilletti, 2013, p. 14], которое Дж. Леопарди перерабатывает, исходя из развитой им литературной теории, сложившейся к 1829 г., однако, по нашему мнению, более явственно переход к новой эстетике выражается в связи

Таким образом, при исследовании стихотворного наследия поэта нельзя не учитывать хронологию ведения им своего «Дневника размышлений», при этом основные идеи и направления мысли поэта мы находим в записях начала 1820-х годов. С 1824 г. Дж. Леопарди, скорее, уточняет свои рассуждения, дополняет уже артикулированные моменты литературной теории, увеличивает объем своих лингвистических штудий.

Генезис литературной теории, разрабатываемой Дж. Леопарди, стоит рассматривать на фоне исторических событий, которые послужили для поэта предпосылкой к тому, чтобы вывести тот или иной принцип творчества. В начале XIX в. главнейшими направлениями в литературном процессе Италии оказались еще не сдавший свои позиции классицизм и набиравший обороты романтизм. Противоречия между ними привели к разделению литераторов на два лагеря. Публичная дискуссия, как считают исследователи [Реизов, 1978; Camilletti, 2013], началась в 1816 г., когда был создан журнал *Biblioteca italiana*, в котором вышла статья Ж. де Сталь «О характере и пользе переводов» (*Sulla maniera e sulla utilità delle traduzioni*)¹. В своей статье мадам де Сталь рекомендовала итальянцам обратиться к прогрессивной европейской литературе, так как их собственная – замкнута в себе самой: «...итальянские критики ворошат пепел своего прошлого, а поэты, пользуясь гармонией своего языка, ищут звонких созвучий, не задумываясь о смысле слов» [цит. по: Реизов, 1978, с. 9]. Эту статью напечатали неслучайно ввиду того, что дело не ограничивалось только областью литературы, ведь журнал был «проавстрийский и открыто реакционный», а его задача «заклучалась, в частности, в том, чтобы убедить итальянцев в их культурной отсталости от других европейских стран и тем ослабить их патриотические настроения» [Реизов,

«Дневника размышлений» со стихотворением «Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии» (*Canto notturno di un pastore errante dell'Asia*) и др. (см. также: [Alcorn, Purpo, 1994]).

¹ Эта статья была переведена с французского на итальянский язык специально для вышеупомянутого журнала писателем, критиком П. Джордани, с которым в 1817 г. юный Дж. Леопарди начал вести длительную переписку, сыгравшую значительную роль в становлении поэта, и напечатана в январе 1816 г. В оригинале она носит название «О духе переводов» (*De l'esprit des traductions*). Некоторое время спустя (в июне) после первой публикации, вызвавшей недовольство в итальянской литературной среде, пользующаяся всеобщим уважением писательница подготовила еще одну статью, в которой постаралась донести свою позицию повторно. С этими текстами можно ознакомиться в: [Сталь, 1989].

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

1978, с. 9]. Так спор классиков и романтиков, касавшийся, казалось бы, строго литературных материй, получает еще и политический подтекст. За публикацией последовала череда негативных откликов от итальянцев, после чего писатель Л. ди Бреме, решивший поддержать мадам де Сталь, внес свою лепту в общую дискуссию и напечатал текст под названием «О несправедливости некоторых итальянских суждений о литературе» (*Intorno all'ingiustizia di alcuni giudizi letterari italiani*). Л. ди Бреме и некоторые другие представители литературного процесса Италии (П. Борсьери и Дж. Берше, вступившие в дискуссию на стороне мадам де Сталь) составили общество итальянских романтиков, опубликовав так называемые манифесты¹.

В этой ситуации Дж. Леопарди совершает попытку принять участие в столь волнующем многих обсуждении. Она стала первым шагом на пути к тому, чтобы, с одной стороны, систематизировать свои мысли из «Дневника размышлений», а с другой – высказать их публично, вступить в литературный процесс, однако, как пишет Е.Ю. Сапрыкина, «так получилось, что Джакомо Леопарди остался в стороне от публичных дискуссий вокруг романтизма. Ему было всего 18 лет, когда он захотел вступить в журнальные баталии романтиков и классиков, но “Письмо издателям журнала “Библиотека итальяна”” (1816) этого безвестного тогда юноши из отдаленного от культурных центров провинциального Реканати напечатано не было. Вторая попытка Леопарди включиться в спор века оказалась столь же безуспешной, и “Рассуждение одного итальянца о романтической поэзии” (1818), работа гораздо более взвешенная и зрелая, чем первое “Письмо”, была отвергнута журналом “Миланский обозреватель” и так и не увидела света до начала XX в.» [Сапрыкина, 2014, с. 137–138]. Несмотря на то что никакого эффекта в общественной среде работа Дж. Леопарди не произвела, «вклад его в обновление романтической отечественной литературы по своей значимости не только не уступает ломбардским эстетическим реформам, но в целом ряде моментов существенно расширяет очерченные ими эстетические горизонты

¹ Подробнее об этом см.: [Лозинская, 2018, с. 195]. Не преминем упомянуть и имя Н.Б. Томашевского, посвятившего феномену итальянского романтизма немало работ. Некоторые статьи литераторов (Дж. Берше, Дж. Романьози, Э. Висконти, А. Мандзони), относящиеся к рассматриваемому нами временному периоду, были опубликованы в его переводах на русский язык в: [Романтизм глазами итальянских писателей, 1984].

итальянского романтизма, придает ему масштаб, соизмеримый с такими европейскими романтическими величинами, как Байрон, немецкие романтики-йенцы, Ламартин, Гейне, Лермонтов» [Сапрыкина, 2014, с. 138].

С работой Л. ди Бреме «О несправедливости некоторых итальянских суждений о литературе» Дж. Леопарди, очевидно, был знаком и, как сообщает Б.Г. Реизов, «несомненно, читал этот манифест и другие статьи за и против романтизма; во всяком случае, он имел более или менее отчетливое представление об этих спорах, *хотя относился с пренебрежением к классикам, так же как к романтикам*, потому что любил античных авторов, а не современных, им подражавших. Романтики раздражали его, потому что выбрасывали из современной культуры непреходящие художественные ценности античного искусства и всю систему древнегреческого мировосприятия»¹ [Реизов, 1978, с. 11]. Только в 1818 г., когда Л. ди Бреме выпускает рецензию на итальянский перевод поэмы Байрона – «Наблюдения над “Гяуром” Байрона» (*Osservazioni sul Giaurro di Byron*) – и статью «Наблюдения относительно современной поэзии» (*Osservazioni sulla poesia moderna*), поэт решает опубликовать свое «Рассуждение итальянца о романтической поэзии» (*Discorso di un italiano intorno alla poesia romantica*). По нашему предположению, написать «Рассуждение итальянца о романтической поэзии» его побудили начинавшие складываться в литературную теорию, разрабатываемую в «Дневнике размышлений», мысли, о которых мы подробнее скажем далее, а также намерение разрешить литературный спор, предложив такую теорию, которая, по-видимому, должна была примирить противоборствующие стороны. Диспут же о предпочтительном для Италии литературном течении продолжится вплоть до 1827 г. [Camilletti, 2013, p. 21]² и займет всего чуть больше десяти лет, причем пик активности журнальных баталий, взятых в качестве материала Е.В. Лозинской [Лозинская, 2018], действительно приходится на первые несколько лет (до 1820 г.). Фраза «vedi il mio discorso sui romantici», которую Дж. Леопарди употребляет до 1821 г. включительно, ссылаясь в «Дневнике размышлений» на свою неопубликованную работу, относится как раз к этому временному проме-

¹ Курсив автора статьи. – Д. А.

² Исследователем небезосновательно проводится параллель между этим историко-культурным феноменом и такими процессами во Франции и Англии, как «Спор о древних и новых» и «Битва книг» (см.: [Camilletti, 2013, p. 25]).

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

жутку, когда дискуссии между участниками литературного процесса Италии еще продолжались.

Особенность происходивших в культуре процессов заключалась в том, что сами термины «классицизм» и «романтизм», которыми оперировали литераторы, вследствие разнообразия мнений не обладали устойчивым и общепризнанным смыслом. Можно сказать, что за классицизмом и романтизмом стояли не литературные школы или традиции, а отношение людей к явлениям культуры. Так, «прилагательное “классический” совпадало с застоем, отсутствием критики и здравого смысла; прилагательное “романтический” обозначало деятельность, ниспровержение основ и юность. Николини фактически приравнивал романтизм к движущей вперед силе, характерной для современности, а Лудовико ди Бреме и сам Леопарди при формулировании своего ответа на рецензию Бреме на “Гяура” в “Дневнике размышлений”, как мы видели, слова “современный” и “романтический” употребляли преимущественно как синонимы» [Camilletti, 2013, p. 24]. Г. Сингх точно определяет специфику «Рассуждения итальянца о романтической поэзии» Дж. Леопарди и в целом ситуации, сложившейся в итальянской литературе первой трети XIX в.: под романтизмом подразумевали некие современные тенденции в литературе – расхожий образ романтической поэзии, не соответствующий реальности и не совпадающий с тем, что представляла собой английская и немецкая поэзия (а именно к ним апеллирует Дж. Леопарди), а под классицизмом, который приобрел совершенно особую – обобщенную – коннотацию в рассуждениях молодого поэта, – совокупность прославленных образцов стихосложения [Singh, 1964, p. 22].

Отличительной чертой мировоззрения Дж. Леопарди оказывается его отношение к современности. Современными в его представлении считаются также Средние века и эпоха Возрождения, которые в той же степени, что и начало XIX в., удалились от первобытного восприятия мира, присущего тем временам, когда творил Гомер. Более того, слова «современный» (*moderno*) и «древний» (*antico*) получают у Дж. Леопарди особую семантическую нагрузку и обозначают, прежде всего, «неестественное», «непоэтическое», «испорченное» и «чистое», «великое», «прекрасное» соответственно.

Кратко обрисовав характер отношений Дж. Леопарди с классицизмом и романтизмом, остановимся на его раннем опыте построения литературной теории. Будем при этом иметь в виду, что суждения Дж. Леопарди о романтиках в известной мере типичны

для той историко-культурной ситуации и в то же время нередко выходят за пределы существовавшего тогда критического дискурса.

При оценке роли «Рассуждения итальянца о романтической поэзии» в развитии собственной литературной теории Дж. Леопарди С. Батталья подчеркивает, что в этом юношеском сочинении поэт «излагал свои эстетические размышления, которые одновременно являлись и интерпретацией поэзии (древней и современной), и уяснением сути своей собственной лирики» [Battaglia, 1968, p. 197]. На наш взгляд, литературная теория Дж. Леопарди впервые последовательно формулируется в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии», так как в «Дневнике размышлений» эти мысли пока не сложились в систему. В его ранней литературной теории цель поэзии состоит в том, чтобы искусно подражать природе и вследствие этого искусного подражания приносить наслаждение читателю [Singh, 1964, p. 24; Battaglia, 1968, p. 31]. Эта цель достигается определенным набором средств, которые явственным образом выделяются в самом тексте. Первым средством является стремление обрести первобытное, неоспоренное состояние, «состояние наших предков» («*stato primitivo de' nostri maggiori*»), которое позволяет видеть вещи с изначально присущей человеку точки зрения. В этом состоянии перед поэтом стоит задача обмануть воображение читателя, породив иллюзии, которые подарят ему истинное удовольствие. Моментом жизни, в котором наиболее насыщенным образом переживается первобытное состояние, Дж. Леопарди считает детство, поэтому все детские ощущения и воспоминания обладают непреходящей ценностью. Окружающая действительность описывается многими выдающимися авторами, неоднократное чтение которых приводит к тому, что некоторые слова в языке теряют свою красоту, поэтому нужно находить и употреблять слова, способные удивить и показаться необычными, равно как и менять поэтическую манеру, – ради достижения эффекта новизны. Дж. Леопарди приходит к тому, что в поэзии должны употребляться те слова, которые, исходя из контекста, звучат непривычно (не обыденно, а ново), и в то же время не только легко воспринимаются читателем [Singh, 1964, p. 166], но и приносят удовольствие. При погружении в первобытное состояние природный мир вызывает различные чувства, потому поэту в стихах обязательно суметь передать свою чувствительность – конкретное переживание автора, наполнившее его душу и способное проникнуть в душу читателя (Дж. Леопарди протестует против умышленного и сознательного пробуждения эмоций в читателях).

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

Каждое произведение должно естественно рождаться из подражания природе и выглядеть так, будто автор не прикладывал никаких усилий к тому, чтобы доставить наслаждение. Не вдаваясь сейчас в детали толкования Дж. Леопарди миметической концепции искусства, скажем только, что у него аристотелевское понимание подражания, будучи главным источником и одним из отправных пунктов теории, интерпретируется по-новому и самобытно¹. Вышеупомянутые принципы составляют основу литературной теории, которую транслирует Дж. Леопарди в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии» и «Дневнике размышлений» и которой он руководствуется в своем поэтическом творчестве.

Основные пункты его литературной теории таковы, что по ним вполне возможно ориентироваться в истории литературы и объективно судить² о произведениях поэтов. Уже в самых ранних записях «Дневника размышлений» мы встречаемся с пассажами следующего содержания: «XV век не завершил начатого, но уберечь идею красоты от порчи; однако, пусть он и не пришел к цели, он действительно чтит ее, вернее, пытался достичь ее; отсюда и бесконечное изучение классиков и повсеместная ученость века. XVI век, накопивший капитал в XV веке и следовавший идеалам XIV века, снова взялся за дело. Но XVII век, поскольку он был не бездейственным, а испорченным, не только не умел создавать ничего хорошего, но и пренебрегал тем, что уже было сделано хорошего, больше того, не выказывал к этому уважения. Отсюда забвение Данте, Петрарки и т.д., которых больше не печатали. В начале XVIII века к нам возвратились не силы, а лишь хороший вкус и любовь к изучению классиков; и первая половина века напоминает XV век, правда, этому времени Возрождения не уделяется особого внимания, поскольку оно не создало, как XV век, никаких произведений искусства, кроме “Меропы”, и продолжалось столь недол-

¹ В поздних записях «Дневника размышлений» термин «подражание» и вовсе будет отвергнут Дж. Леопарди, судя по всему, как анахронистический. Подобный отказ от привычных понятий предыдущих веков объясняется разделяемым многими писателями стремлением к освобождению от строгих и непрерываемых правил в искусстве. Как известно, рубеж XVIII–XIX вв. – это время появления личности в нашем нынешнем значении и закрепления установки на самовыражение в творчестве (см. об этом, в частности: [Баткин, 1989; Баткин, 2000]). Первым современным стихотворением некоторыми исследователями признается *L'infinito* Дж. Леопарди (см.: [Маццони, 2024, с. 48]).

² О рефлексии Дж. Леопарди по поводу сделанного предшественниками и изучении им литературы см.: [Timpanaro, 1978; Scrivano, 1982].

го, что человек сам мог наблюдать периоды упадка, возрождения и повторного упадка. В нашей литературе, вновь обратившейся к подражанию и изучению иностранных писателей, последние произведения искусства появились во второй половине XVIII и начале XIX века» [Леопарди, 1957, р. 6–7]¹. Здесь налицо его собственное отношение к искусству и истории литературы, которое он выработал для себя, читая классиков и итальянских авторов прошлых веков и оценивая их творчество. Его негативная оценка поэзии XVII в. в качестве конкретной иллюстрации присутствует и в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии», но поразительна не сама оценка, а то, что он проводит параллель между поэтом XVII в. и поэтом рубежа новой эры: «Марини тоже подражал природе, и последователи Марини, и даже самые дикие из стихоплетов семнадцатого столетия; или возьмем другой пример, более определенный и ясный: Овидий тоже подражал природе – кто в этом усомнится? – и его подражания кажутся нам картинами, кажутся живыми и подлинными вещами. Но как он ей подражал? Сперва он показывает одну часть предмета, потом другую, потом третью, он рисует, раскрашивает, подправляет сделанное, он позволяет с легкостью увидеть, как он с помощью слов делает трудное, необычное и чуждое для них дело – живописует предметы, проявляя искусность и усердие, но обнаруживая свое намерение, – а такая откровенность обычно все портит...» [Леопарди, 1978, с. 281–282]².

¹ «Il quattrocento restò dal fare, ma conservava l'idea del bello incorrotta; però, benché non facesse, pure apprezzava il fatto, anzi lo cercava; quindi l'infinito studio de' classici e l'erudizione dominante nel secolo. Il cinquecento col capitale acquistato nel quattrocento e coll'istradamento del trecento tornò a fare. Ma il seicento, perché era non debole ma corrotto, non solamente non sapea far bene, ma disprezzava il ben fatto anzi gli dispiaceva. Quindi la dimenticanza di Dante del Petrarca, ec., che non si stampavano più. Nel principio del settecento ripigliammo non le forze, ma solo il buon gusto e l'amore degli studi classici; e la prima metà di questo secolo somiglia però al quattrocento, né si fa molto conto di quest'epoca di risorgimento, perché non produsse, come il quattrocento, nessun lavoro d'arte, fuorché la Merope, e durò tanto poco che un uomo stesso poté aver veduto il tempo di corruzione, il risorgimento e il ricadimento. Ricadute le nostre lettere nella imitazione e studio degli stranieri, son comparsi nella seconda metà del settecento e principio dell'ottocento i nostril ultimi lavori d'arte». Здесь и далее, если не оговорено иное, все переводы из «Дневника размышлений» автора статьи. – Д. А.

² «Anche il Marini imitò la natura, anche i seguaci del Marini, anche i più barbari poetastri del seicento; e per proporre un esempio determinato e piano, imitò la natura Ovidio; chi ne dubita? e le imitazioni sue paiono quadri, paiono cose vive e vere. Ma in che modo la imitò? Mostrando prima una parte e poi un'altra e dopo un'altra,

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

В «Дневнике размышлений» поэт не единожды обращается к Овидию. Один из случаев примечателен тем, что Овидий выставляется нерадивым стихотворцем на фоне Данте (отчего разница между ними становится еще ощутимее): «Почему стиль Овидия слаб, и оттого не очень приятен, несмотря на то что он очень достоверно живописует предметы и упрямо и страстно гонится за образами? Потому что эти образы возникают у него от избытка слов и стихов, которые не вызывают образа без длительного перечисления, и крайне мало или вообще не бывает такого, чтобы образы являлись одновременно, сверх того – ум принужден видеть предметы не сразу и по частям. Почему стиль Данте является самым сильным, какой только можно себе вообразить, и в этом отношении самый прекрасный и сладостный из всех возможных? Потому что каждое слово у него – это образ и т.д. и т.д. Смотри мое рассуждение о романтиках» [Leopardi, 1957, p. 1269]¹.

Писатель работает с языком и на уровне мельчайших его единиц. «Вещь, – пишет Дж. Леопарди, – выраженная поэтом или писателем посредством слова нового, которое необычно или само по себе, или по употреблению, а потому и действует очень сильно и лучше всего вызывает у читателей нужный образ или душевное движение, обозначается в обыденном письме или в обыденной речи словом более точным, и хотя само по себе оно даже более сильно и выразительно, все же то первое слово только благодаря своей новизне произведет большее впечатление, чем слово обиходное» [Leopardi, 1978, с. 256]². 9 декабря 1821 г. Дж. Леопарди делает в

disegnando colorando ritoccando, lasciando vedere molto agevolmente e chiaramente com'egli faceva colle parole quella cosa difficile e non ordinaria né propria di esse, ch'è il dipingere, manifestando l'arte e la diligenza e il proposito, che scoperto, fa tanto guasto...» [Leopardi, 1949, p. 520]. Здесь и далее, если не оговорено иное, все цитаты из «Рассуждения итальянца о романтической поэзии» приводятся в переводе С.А. Ошерова.

¹ «Perché è debole lo stile di Ovidio, e però non molto piacevole, quantunque egli sia un fedelissimo pittore degli oggetti ed un ostinatissimo e acutissimo cacciatore d'immagini? Perché queste immagini risultano in lui da una copia di parole e di versi, che non destano l'immagine senza lungo circuito, e così poco o nulla v'ha di simultaneo, giacché anzi lo spirito è condotto a veder gli oggetti a poco a poco per le loro parti. Perché lo stile di Dante è il più forte che mai si possa concepire e per questa parte il più bello e dilettevole possibile? Perché ogni parola presso lui è un'immagine ec. ec. Vedi il mio discorso sui romantici».

² «...quella cosa che un poeta o uno scrittore esprime, poniamo, con una parola nuova o per se stessa o per l'uso, e quindi efficace talmente che suscita a meraviglia ne' Lettori l'immagine o il moto conveniente, venga significata nello scrivere o nel

«Дневнике размышлений» запись, которая дополняет высказанную в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии» мысль об эффекте новизны, вызываемом поэтической манерой того или иного крупного автора, ведь удовольствие, полученное от новизны слога, возникает «и от перемещений порядка слов, и от их метафорических значений, которые заставляют нас, читая дальше, нередко придавать прочитанным словам совсем иной смысл, нежели мы полагали вначале; и от самой новизны переносных значений, и от сближения автором идей по природе отдаленных и т.д.» [Леопарди, 1978, с. 399]¹.

В «Дневнике размышлений», как мы уже частично продемонстрировали, то и дело отзывается эхом высказанное некогда в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии». Например, регулярно встречается мысль о том, что в поэзии должны отражаться самые обыкновенные объекты реального мира, представленные автором так, чтобы максимально соответствовать их природной сущности, – преобразовавшись, однако же, через фильтр подражания: «Так неужели природа, и ныне неизменная со времен Гомера, породит в нас своею силой те впечатления и чувства, которые мы замечаем и испытываем, и та же природа, перенесенная в стихи Гомера и получившая помощь от подражания – подражания, равного которому нет в мире, – не окажет своего действия?» [Леопарди, 1978, с. 276]². В «Дневнике размышлений» Дж. Леопарди обвиняет романтиков в том, что они «не понимают, что если эти чувства порождаются первозданной природой, то, чтобы вызвать их, нужно подражать первозданной природе, а те же простые и совершенные предметы, которые, благодаря своей собственной силе, неосознанно порождают в нашей душе эти впечатления,

favellare ordinario con una voce molto più propria, ed anche per se stessa più vigorosa ed espressiva; e nondimeno quell'altra voce, solamente perch'è nuova, fa effetto più che non avrebbe potuto fare la parola corrente» [Leopardi, 1949, p. 493].

¹ «...dalla collocazione e ordine delle parole, dai sensi metaforici, i quali ti obbligano, seguendo innanzi colla lettura, a dare alle parole già lette un senso bene spesso diverso da quello che avevi creduto; dalla stessa novità dei traslati e dalla naturale lontananza delle idee, ravvicinate dall'autore ec.» [Leopardi, 1957, p. 1359]. Цитата из «Дневника размышлений» приводится в переводе С.А. Ошерова.

² «Ora quella natura ch'essendo tale al presente qual era al tempo di Omero, fa in noi per forza sua quelle impressioni sentimentali che vediamo e proviamo, trasportata nei versi d'Omero e quindi aiutata dalla imitazione e da quella imitazione che non ha uguale, non ne farà?» [Leopardi, 1949, p. 514].

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Leopardi и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

нужно перенести такими, какие они есть – ни больше ни меньше, – в поэзию» [Leopardi, 1957, p. 23]¹.

При обращении к «Рассуждению итальянца о романтической поэзии», ключевому тексту для понимания ранних мыслей Дж. Leopardi, сразу заметно, что эта работа обладает спецификой не только литературно-критической, но и общественно-политической, а классицизм и романтизм наделяются соответствующими коннотациями. Высказываемые теоретические положения в его глазах есть не что иное, как признаки подлинной и универсальной поэзии любого времени. Эта схема позволяет ему делать от лица нации заявления подобного рода: «Мы хотим, чтобы у современной поэзии и у поэзии всех времен было общим с поэзией греков и римлян все естественное, универсальное, вечное, а не преходящее, не произвольные людские вымыслы, не верования или обычаи, свойственные тому или иному народу, не особые черты и формы, присущие тому или другому поэту...» [Leopardi, 1978, с. 272]². Идея Дж. Leopardi заключается в том, чтобы сохранять древнюю традицию, в которой и зародилась первоначальная и подлинная поэзия, защитить ее от всего наносного и неестественного и поддерживать ее по мере сил и в зависимости от таланта каждого нового писателя. То, что отклоняется от великой традиции и не соответствует литературной теории Дж. Leopardi, представляет собой элемент, враждебный итальянской идентичности, понимаемой им довольно широко. Ярчайшим примером такого элемента в итальянской традиции является поэзия эпохи барокко и вся эстетика того времени. Эта манера, не отвечающая критериям теории поэта, соотносится им с романтической поэзией (а если держать в уме пример с Марино и Овидием, то Овидий тоже окажется в одном ряду с романтиками). Чрезвычайно отчетливо в его тексте прослеживается не только разделение классиков и романтиков по жанровому критерию (вспомним, что романтическую поэзию тогда также называли «романтическим жанром»), но и их разделение в

¹ «...non si avvedono <...> che, se questi sentimenti son prodotti dalla nuda natura, per destarli bisogna imitare la nuda natura, e quei semplici e innocenti oggetti, che per loro propria forza, inconsapevoli, producono nel nostro animo quegli effetti, bisogna trasportarli come sono né più né meno nella poesia».

² «Vogliamo che sieno essenzialmente comuni alla poesia greca e latina colla presente e con quella di tutti i tempi, le cose naturali necessarie universali perpetue, non le passeggere, non le invenzioni arbitrarie degli uomini, non le credenze non i costumi particolari di questo o di quel popolo, non i caratteri non le forme speciali di questo o di quel poeta...» [Leopardi, 1949, p. 510].

культурном смысле: Дж. Leopardi считает самих писателей романтического склада, равно как и их стихотворения, глубоко чуждыми итальянскому мировосприятию, итальянцам как нации *per se*. Итальянская идентичность поэта (и других литераторов, по его мнению) формируется историческим прошлым страны, расположенной на Апеннинском полуострове. Кроме того, быть итальянцем, по Дж. Leopardi, означает еще и приверженность человека к античной культуре – к древнеримскому и древнегреческому наследию, – до некоторой степени заложенная генетически. Примеров такого отношения к родине – колоссальное множество. Говоря о свойственных итальянцам «мягкости и податливости сердца и воображения»¹, «подвижности и проворстве, которые могут быть присущи даже фантазии простолюдина»², и «нраве, способном воспринимать и чувствовать сладостное влияние чистой, нежной и святой природы»³ [Leopardi, 1978, с. 256], Дж. Leopardi наделяет этими качествами, прежде всего, «греков» (*greci*) и «итальянцев» (*italiani*) и уточняет следующее: «...под итальянцами я подразумеваю также латинян, наших отцов» [Leopardi, 1978, с. 256]⁴. Древнейшая культурная традиция – довод в пользу того, чтобы не перенимать романтической поэтики, ибо «одно из главнейших различий между романтическими и нашими поэтами, различие, к которому сводятся и в котором заключаются сотни других различий, таково: наши поэты воспевают, сколько могут, природу, романтические поэты воспевают, сколько могут, цивилизацию, наши – вечные и неизменные вещи, и формы, и красоты, романтики – переходящие и изменчивые, наши – творения бога, романтики – создания рук человеческих» [Leopardi, 1978, с. 250]⁵. Прежде всех других (в общем-то, и только) романтиками Дж. Leopardi называет

¹ «...facilità e cedevolezza di cuore e d'immaginativa...» [Leopardi, 1949, p. 492].

² «...mobilità e vispezza che può stare nelle fantasie volgari...» [Leopardi, 1949, p. 492].

³ «...indole adattata ad accogliere e sentire la soavissima operazione della pura e delicata e santa natura...» [Leopardi, 1949, p. 492].

⁴ «...e per gl'italiani intendo anche i latini, padri nostri...» [Leopardi, 1949, p. 493].

⁵ «...una delle principalissime differenze tra i poeti romantici e i nostri, nella quale si riducono e contengono infinite altre, consiste in questo: che i nostri cantano in genere più che possono la natura, e i romantici più che possono l'incivilimento, quelli le cose e le forme e le bellezze eterne e immutabili, e questi le transitorie e mutabili, quelli le opere di Dio, e questi le opere degli uomini» [Leopardi, 1949, p. 486].

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Leopardi и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

немцев и англичан. Для него немецкая и английская традиции есть традиции варварские, которые совершенно неприемлемо перенимать имеющим за спиной огромную историю подлинной литературы итальянцам. Становится ясно, что противоположностью итальянской (читай – античной) идентичности и классической литературы является в сознании Дж. Leopardi идентичность варварская и романтическая литература.

И здесь мы можем выйти на более глубинный пласт понимания приверженности Дж. Leopardi древности (его вполне законно обозначить антропологическим), ибо те революционные, но, по его мнению, пагубные действия, которые производят в литературе романтики, совершенно переворачивают картину дозволенного / недозволенного в литературе. Варварство романтиков оттого и варварство, что исключает из литературы как классическое наследие, заменяя его сказаниями других варваров (не европейцев; Дж. Leopardi приводит в пример китайцев, ирокезов, афганцев и др. неевропейские народы), так и человеческое вообще, вводя в литературу животных, чудовищ, вещи. Первое, по мнению Дж. Leopardi, не следует делать предметом литературы, так как читателям, которые знакомы с классическим наследием и для которых оно родное, истории чужих народов не доставят такого удовольствия, как классические¹. Второе же будет совершенно непонятно человеку, поскольку проникнуть в сущность предмета или в сознание животного невозможно².

Дж. Leopardi рассуждает не только о прошлом и настоящем, но и в каком-то смысле о будущем, описывая творческую манеру, порожденную «цивилизацией» и «прогрессом», так: «Почему бы каждому поэту, вместо того чтобы писать, не изобрести какой-нибудь механизм, который бы с помощью разных приспособлений испускал прямо из себя ландшафты и фигуры любого

¹ Ср.: «...так, дела черных трогают нас меньше, чем дела белых, а среди белых нам куда более безразличны самоеды, или китайцы, или любой другой народ, не похожий на нас ни обычаями, ни наружностью и ничем существенным, нежели дела наших соотечественников» [Leopardi, 1978, с. 296] («...tanto che s'importano assai meno le cose dei Neri che quelle de' Bianchi, e tra i Bianchi assai meno quelle de' Samoiedi o de' Cinesi o di qualunque differisce grandemente da noi di costumi o di forme o d'altra cosa notevole, che quelle de' nostrali») [Leopardi, 1949, p. 537].

² Ср.: «Неужто кто-нибудь из нас в силах вообразить себе жизнь, отличную от человеческой?» [Leopardi, 1978, с. 297] («Forseché veruno di noi si può figurare nessuna vita diversa dall'umana?») [Leopardi, 1949, p. 537].

рода и подражал бы звуком звуку, одним словом, изображал все, что угодно было бы изобретателю, действуя не на воображение, а прямо на чувства – уже не читателя, а зрителя, слушателя или неведомо кого?» [Леопарди, 1978, с. 302]¹. Более того, как будто заглядывая в будущее, Дж. Леопарди задается вопросом: «Получается, что наша поэзия будет не только варварской, но и не человеческой? Или превратится в поэзию другого мира?» [Леопарди, 1978, с. 298]² (особенно пророчески эта реплика звучит в контексте таких современных направлений мысли, как *non-human studies*, *transhumanism*, *posthumanism*). Неестественность такой поэзии – в прямом обращении к чувствам человека, в манипулировании читательским восприятием, а цель поэзии, как пишет Дж. Леопарди в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии», все-таки – приносить наслаждение посредством оживления читателя изнутри него самого, а не обескураживания его извне тем, что воздействует тупо и беспощадно. Было бы продуктивно, как кажется, посмотреть на «Рассуждение итальянца о романтической поэзии» Дж. Леопарди как на критику в некотором роде массовой литературы; во всяком случае, романтическая поэзия отчасти представляется таковой.

Таким образом, классицизм и романтизм, противопоставляемые друг другу в «Рассуждении итальянца о романтической поэзии», предназначенном для вынесения на суд знатоков, и в «Дневнике размышлений», предстают двумя константами исторического движения – хорошим и плохим вкусом, подлинной и ложной поэзией, родной и чужой культурой – в сознании Дж. Леопарди, а его литературная теория раскрывает принципы именно подлинной поэзии. Работы Л. ди Бреме являются лишь поводом для того, чтобы высказаться самому Дж. Леопарди и изложить свой взгляд на литературу и происходящее в ней. Наша гипотеза, что неопубликованное «Рассуждение итальянца о романтической поэзии» Дж. Леопарди являлось ловкой попыткой представить свою, по крайней мере первоначальную, литератур-

¹ «Anzi perché ciaschedun poeta in cambio di scrivere non inventa qualche bella macchina la quale mediante diversi ingegni metta fuori di mano in mano vedute e figure di qualsivoglia specie, e imiti il suono col suono, e in breve, rappresentando ordinatamente quello che sarà piaciuto all'inventore, non operi sol tanto nella immaginativa ma eziandio ne' sensi del non più lettore ma spettatore e uditore e che so io?» [Leopardi, 1949, p. 543].

² «E la poesia nostra non sarà più solamente barbara, ma in tutto e per tutto disumana? Anzi, come ho detto, di un altro mondo...» [Leopardi, 1949, p. 538].

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Леопарди и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

ную теорию публике, вполне подтверждается восприятием самим поэтом этого произведения как труда, в котором им было изложено нечто фундаментальное. По нашему мнению, если помнить о его первоначальных идеях, особенно в приложении к мыслям о подражании природе, первобытном состоянии человека, детстве, чувствительности и мифе о золотом веке, то именно «естественность» как имманентно присущая всякому сути (чуть ли не биологическая) может стать ключом к осмыслению всего написанного Дж. Леопарди. Стоит отметить, что его творческий метод¹ заключается в том, чтобы «учиться у классиков лирики: но не примитивно культивировать в поэзии их манеру, а по их примеру возрождать непосредственность воображения, чистоту и простоту выражения своего собственного лирического чувства» [Сапрыкина, 2014, с. 140]. Особенно важно, что, по Дж. Леопарди, нужно «возродить» не только «чистоту и простоту», но и естественность, не подверженную напрямую чьим-либо влияниям, собственного лирического чувства.

Итогом вспыхнувшего на страницах итальянских журналов спора стало то, что видные деятели итальянской литературы так и не смогли прийти к консенсусу по вопросу, которым были озабочены: фактически из-за того, что понятие романтической поэзии было привнесено в итальянскую культуру извне, разногласия сторонников и противников романтизма носили во многом социально-политический характер и касались проблемы оригинальности итальянской литературы как таковой и выбора пути ее дальнейшего развития, который все участники определяли по-разному и по-своему. Как справедливо отмечает Ф. Камиллетти, позиции некоторых итальянских литераторов отличались не только от позиции миланских романтиков, но и друг от друга [Camilletti, 2013, p. 21–22]. В сущности, романтизм в Италии можно назвать «самопровозглашенным» движением (что приведет критику в последующем вообще к отрицанию романтизма в Италии²), а развернувшиеся дебаты – попыткой определить будущий путь итальянской литературы. Такой попыткой является и «Рассуждение итальянца о романтической поэзии» Дж. Леопарди, в полемической форме изла-

¹ О том, как работал Дж. Леопарди над своими стихотворениями, см. в: [Italia, 2016].

² Обращают внимание на исследование начала XX в., проделанное Дж. Мартеджани, под провокационным заглавием «Итальянского романтизма не существует» (см.: [Martegiani, 1908]).

гающее принципы творчества, получившие дальнейшее развитие в «Дневнике размышлений», на страницах которого поэт одновременно и создает новый канон, и его легитимирует посредством своей литературной теории и стихотворных текстов.

Список литературы

1. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой : очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – Москва : РГГУ, 2000. – 1005 с.
2. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – Москва : Наука, 1989. – 272 с.
3. Леопарди Дж. Этика и эстетика / предисл. Б.Г. Реизова. – Москва : Искусство, 1978. – 469 с.
4. Лозинская Е.В. Диспут о романтической и классической поэзии в Италии в 1816–1820 гг. // Литературоведческий журнал. – 2018. – № 44. – С. 190–219.
5. Маццони Г. О современной поэзии / пер. с ит. А. Ямпольской. – Москва : Новое литературное обозрение, 2024. – 312 с.
6. Реизов Б.Г. Эстетика Леопарди // Леопарди Дж. Этика и эстетика / предисл. Б.Г. Реизова. – Москва : Искусство, 1978. – С. 7–40.
7. Романтизм глазами итальянских писателей / предисл., сост. и пер. с ит. Н. Томашевского. – Москва : Радуга, 1984. – 248 с.
8. Сапрыкина Е.Ю. Итальянский романтизм в его основных концептах. – Москва : Тезаурус, 2014. – 312 с.
9. Сталь Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями / вступ. статья А.А. Аникста ; пер. с франц. В.А. Мильчиной. – Москва : Искусство, 1989. – 476 с.
10. Alcorn J., Puppo D.D. Leopardi's shifting understanding in *Il tramonto della luna* // Italian culture. – 1994. – Vol. 1, N 1. – P. 139–151. – URL: <https://doi.org/10.1179/itc.1994.12.1.139> (date of access: 29.08.2024).
11. Battaglia S. L'ideologia letteraria di Giacomo Leopardi. – Napoli : Liguori, 1968. – 317 p.
12. Camilletti F. Classicism and Romanticism in Italian literature : Leopardi's discourse on romantic poetry. – London ; New York : Routledge, 2013. – 224 p.
13. Dolfi A. Gli anni toscani dello *Zibaldone*. Dalle figure della ricezione al tempo del silenzio // Leopardi a Firenze : Atti del Convegno di studi (Firenze, 3–6 giugno 1998) / a cura di L. Melosi. – Firenze : Olschki, 2002. – P. 221–237.
14. Italia P. Il metodo di Leopardi : varianti e stile nella formazione delle *Canzoni*. – Roma : Carocci, 2016. – 296 p.
15. Leopardi G. Le poesie e le prose : pensieri, discorsi e saggi. – 3 ed. – Milano : Arnoldo Mondadori editore, 1949. – Vol. 2. – 1266 p.
16. Leopardi G. Zibaldone di pensieri. – 5 ed. – Milano : Arnoldo Mondadori editore, 1957. – Vol. 1. – 1630 p.
17. Martegiani G. Il romanticismo italiano non esiste. Saggio di letteratura comparata. – Firenze : Successori B. Seeber, 1908. – 209 p.

«Vedi il mio discorso sui romantici»: классицизм и романтизм в сознании Дж. Leopardi и ранняя литературная теория в его «Дневнике размышлений»

18. *Scrivano R.* Leopardi, il Cinquecento e i classici // Leopardi e il mondo antico : atti del V Convegno internazionale di studi leopardiani (Recanati, 22–25 settembre 1980). – Firenze : Olschki, 1982. – P. 567–572.
19. *Singh G.* Leopardi and the theory of poetry. – Lexington : Univ. of Kentucky press, 1964. – 365 p.
20. *Timpanaro S.* La filologia di Giacomo Leopardi. – 2 ed. riv. e ampl. – Bari : Laterza, 1978. – 234 p.